П. А. Кропоткинъ.

НАШИ БОГАТСТВА
И
ДОВОЛЬСТВО ДЛЯ ВСѢХЪ

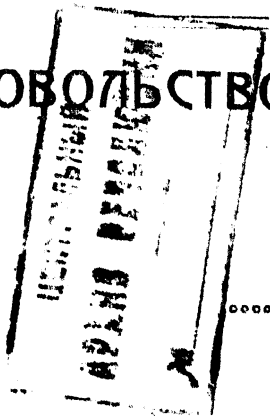
Цѣна 25 коп.

НХ
1911

МОСКВА
1917 г.

П. А. КРОПОТКИНЪ.

НАШИ БОГАТСТВА
И
ДОВОЛЬСТВО ДЛЯ ВСѢХЪ.



МОСКВА
1917 г.

Пре

БИБЛИОТЕКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ

1998
31

Наши богатства и довольство для всѣхъ.

I.

Человѣчество прошло изрядный путь съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда человѣкъ, мастеря изъ кремня первобытныя орудія, жилъ случайными добычами на охотѣ и дѣтямъ своимъ оставлялъ въ наслѣдство только убѣжище въ скалѣ и плохія каменныя орудія, да природу, огромную, непонятную, грозную, съ которою они должны были вступить въ борьбу, чтобъ поддерживать свое жалкое существованіе.

Въ это смутное время, которое продолжалось много тысячелѣтій, родъ человѣческій накопилъ неслыханныя сокровища. Онъ распахалъ почву, осушилъ болота, прорубилъ просѣки въ лѣсахъ, провелъ дороги; онъ строилъ, изобрѣталъ, наблюдалъ, разсуждалъ; создавалъ сложные инструменты, вырывалъ у природы ея тайны, покорилъ паръ,—такъ что дитя цивилизованнаго человѣка, при своемъ рожденіи находитъ въ настоящее время къ своимъ услугамъ цѣлый огромный капиталъ накопленный тѣми, кто былъ раньше его. И этотъ капиталъ позволяетъ ему теперь добыть однимъ только своимъ трудомъ, въ соединеніи съ трудомъ другихъ, богатства, превышающія тѣ, о которыхъ мечтаютъ восточные народы въ своихъ сказкахъ о тысячѣ и одной ночи.

Почва, частью воздѣланная, готова быть обработанной интеллигентнымъ трудомъ и засѣянной отборными

сѣменами и украситься роскошными жатвами, болѣе роскошными, чѣмъ нужно для удовлетворенія всѣхъ надобностей человѣчества. Способы культуры извѣстны.

На дѣвственной почвѣ американскихъ луговъ сто человѣкъ съ помощью сильныхъ машинъ производятъ въ нѣсколько мѣсяцевъ столько хлѣба. сколько необходимо для десяти тысячъ человѣкъ въ теченіе цѣлаго года. Тамъ же, гдѣ человѣкъ хочетъ удвоить, утроить, увеличить во сто разъ ея урожай, онъ почву *дѣлаетъ*, даетъ каждому растенію надлежащій уходъ и получаетъ баснословные урожаи. Между тѣмъ, какъ охотникъ долженъ былъ въ прежнія времена завладѣть сотней квадратныхъ верстъ, чтобъ добыть пищу для своей семьи,—цивилизованный человѣкъ выращиваетъ съ безконечно-меньшимъ трудомъ и съ большей увѣренностью, все, что нужно для жизни его домочадцевъ, на одной десятитысячной части этого пространства.

Климатъ уже болѣе не служитъ препятствіемъ. Когда солнца не хватаетъ, человѣкъ замѣняетъ его искусственной теплотой и надѣется, что онъ создастъ также и свѣтъ для воздѣйствія на растительность. При помощи стекла и трубъ съ горячей водой, онъ собираетъ на данномъ пространствѣ въ десять разъ больше продуктовъ, чѣмъ получалъ прежде.

Чудеса, совершенныя въ промышленности, еще болѣе поразительны. Съ этими разумными существами съ современными машинами,—плодомъ трехъ или четырехъ поколѣній изобрѣтателей, по большей части неизвѣстныхъ,—сто человѣкъ приготовляютъ такое

количество матеріи, что изъ нея можно сдѣлать одежду для десяти тысячъ человѣкъ на два года. Въ хорошо организованныхъ угольныхъ копяхъ, сто человѣкъ добываютъ ежегодно матеріалъ, достаточный, чтобы отапливать помѣщенія десяти тысячъ семействъ въ суровомъ климатѣ. И мы недавно видѣли, какъ чудный городъ возникъ въ нѣсколько мѣсяцевъ на Марсовомъ полѣ [1]), безъ малѣйшей остановки обычныхъ работъ французской націи.

И хотя, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, а равно и вообще во всей нашей общественной организаціи, трудъ нашихъ предковъ идетъ на пользу почти исключительно очень малаго числа, тѣмъ не менѣе вѣрно, что человѣчество могло бы уже теперь жить богато и роскошно, только при помощи желѣзныхъ и стальныхъ слугъ, какими оно владѣетъ.

Да, конечно, мы богаты, безконечно богаче, чѣмъ мы думаемъ. Богаты тѣмъ, чѣмъ мы уже владѣемъ, а еще болѣе богаты тѣмъ, что мы можемъ произвести теперешними инструментами. Безконечно болѣе богаты тѣмъ, что мы могли бы добыть изъ нашей земли, изъ нашихъ мануфактуръ, изъ нашей науки и изъ нашихъ техническихъ познаній, если-бъ они были примѣнены для добычи всеобщаго благосостоянія.

---

[1]) Писано въ 1890 году.

II.

Въ цивилизованныхъ обществахъ мы богаты. Почему же вокругъ насъ эта нищета? Почему этотъ тяжелый трудъ, оскотинивающій народныя массы? Отчего эта неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, даже для хорошо оплачиваемаго работника, и это среди унаслѣдованныхъ отъ прошлаго богатствъ и могущественныхъ средствъ производства, которыя дали бы довольство всѣмъ въ замѣнъ нѣсколькихъ часовъ ежедневнаго труда?

Соціалисты сказали,—отчего, и повторяли безчисленное множество разъ; каждый день они повторяютъ и доказываютъ аргументами, взятыми изо всѣхъ наукъ.—Оттого, что все, что необходимо для производства—почва, рудники, машины, пути сообщенія, пища, убѣжище, образованіе, знаніе,—все это было захвачено нѣсколькими лицами въ теченіе этой длинной исторіи грабежа, переселеній, войнъ, невѣжества и угнетенія, которую человѣчество прожило, раньше чѣмъ научилось укрощать силы природы.

Оттого, что, хвалясь мнимыми правами, добытыми въ прошедшемъ, они теперь присваиваютъ себѣ двѣ трети продуктовъ человѣческаго труда, которыя они расточаютъ самымъ безумнымъ, самымъ возмутительнымъ образомъ; оттого, что, доведя народныя массы до такого состоянія, въ которомъ человѣкъ не имѣетъ наличныхъ средствъ прожить въ теченіе мѣсяца или даже недѣли, они позволяютъ человѣку работать только тогда, когда тотъ соглашается дозволить имъ удержать львиную часть: оттого, что они мѣшаютъ

ему производить то, что ему нужно, а заставляютъ его производить не то, что необходимо для другихъ, а то, что даетъ человѣку наживы наибольшіе барыши.

Весь соціализмъ тутъ!

Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, цивилизованная страна. Лѣса, что покрывали ее когда-то, прочищены, болота осушены, климатъ оздоровленъ,—страна сдѣлана обитаемой. Почва, на которой росла прежде одна только дикая трава, даетъ теперь богатыя жатвы. Скалы, возвышающіяся надъ южными долинами, изсѣчены террасами, на которыхъ ползетъ виноградъ съ золотистыми ягодами. Дикія растенія, дававшія прежде плодъ терпкій, несъѣдобный корень,—были передѣланы рядомъ послѣдовательныхъ культуръ въ питательные овощи, въ деревья, приносящія прекрасные плоды.

Тысячи моценыхъ и желѣзныхъ дорогъ пролегаютъ по землѣ, прорѣзаютъ горы; паровозъ свищетъ въ дикихъ ущельяхъ Альпъ, Кавказа, Гималая. Рѣки сдѣланы судоходными, берега, изслѣдованные и тщательно приподнятые, сдѣланы легко доступными; искусственныя гавани, съ трудомъ вычерпанныя и защищенныя противъ бурь океана, даютъ судамъ убѣжище. Скалы пробуравлены глубокими колодцами; лабиринты подземныхъ галлерей проходятъ тамъ, гдѣ есть уголь или руда. Во всѣхъ пунктахъ, гдѣ пересѣкаются дороги, возникли города; они увеличились, и внутри ихъ находятся всѣ сокровища промышленности, искусства и науки.

Цѣлыя поколѣнія, рожденныя и умершія въ нищетѣ,

которыхъ угнетали и обижали ихъ хозяева, и истощенныя работой, оставили это громадное наслѣдство девятнадцатому вѣку.

Въ теченіе многихъ тысячелѣтій милліоны людей работали надъ прочисткой лѣсовъ, надъ осушеніемъ болотъ, надъ прокладкой дорогъ, надъ загачиваніемъ рѣкъ. Каждая десятина земли, которую мы въ Европѣ воздѣлываемъ, была полита потомъ многихъ поколѣній каждая дорога имѣетъ цѣлую исторію подневольнаго, нечеловѣческаго труда, народныхъ страданій. Каждая верста желѣзной дороги, каждая сажень тоннеля получила свою долю человѣческой крови.

Въ шахтахъ сохраняются еще совершенно свѣжими сдѣланныя въ скалѣ рукою каменоломщика засѣчки. Подземныя галлереи могли бы быть обозначены столбами надъ каждой могилой рудокопа, погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ отъ рудничнаго газа, отъ обвала или наводненія, а извѣстно сколько каждая изъ этихъ могилъ стоила слезъ, лишеній, неописуемыхъ бѣдъ семьѣ, жившей на ничтожное жалованье человѣка, погребеннаго подъ этими обломками.

Города, соединенные между собою желѣзными путями и навигаціонными линіями, представляютъ изъ себя организмы, прожившіе много вѣковъ. Покопайте въ нихъ землю, и вы найдете тамъ одинъ на другомъ слои улицъ, домовъ, театровъ, амфитеатровъ, общественныхъ зданій. Вникните въ исторію ихъ, и вы увидите, какъ цивилизація города, его промышленность, его духъ понемногу выросли и созрѣли,—благодаря содѣйствію всѣхъ его жителей,—прежде чѣмъ они сдѣлались тѣмъ, что они теперь.

И даже въ настоящее время цѣнность каждаго дома, каждаго завода, каждой фабрики, каждаго магазина состоитъ исключительно изъ накопленнаго труда милліоновъ работниковъ, погребенныхъ подъ землею; она поддерживается исключительно усиліемъ легіоновъ людей, живущихъ въ этотъ пунктѣ земного шара. Каждый изъ атомовъ того, что мы называемъ богатствомъ націй, пріобрѣтаетъ цѣнность только оттого, что онъ часть этого огромнаго цѣлаго. Чѣмъ бы былъ докъ въ Лондонѣ или большой магазинъ въ Парижѣ, если бы они не находились въ этихъ большихъ центрахъ международной торговли? Чѣмъ бы были наши рудники, фабрики, верфи и желѣзныя дороги, еслибъ не кучи товаровъ перевозимыхъ ежедневно моремъ и сушей?

Милліоны людей работали надъ созданіемъ этой цивилизаціи, которою мы теперь гордимся. Другіе милліоны, разсѣянные по всѣмъ концамъ земного шара, трудятся надъ ея поддержаніемъ. Безъ нихъ остались бы черезъ пятьдесятъ лѣтъ одни только обломки.

Все, до мысли и изобрѣтенія включительно, состоитъ изъ коллективныхъ фактовъ, порожденныхъ прошедшимъ и настоящимъ. Тысячи изобрѣтателей, извѣстныхъ или неизвѣстныхъ, умершихъ въ нищетѣ, подготовили изобрѣтеніе каждой изъ этихъ машинъ, въ которыхъ человѣкъ удивляется своему генію. Тысячи писателей, поэтовъ, ученыхъ работали надъ выработкой знанія, надъ разсѣяніемъ заблужденій, надъ созданіемъ той атмосферы научной мысли, безъ которой никакія чудеса нашего (XIX) вѣка не могли

бы появиться. Но эти тысячи философовъ, поэтовъ, ученыхъ и изобрѣтателей—не были-ли они тоже порождены трудомъ прошедшихъ вѣковъ? Не были-ли они, въ теченіе своей жизни, питаемы и поддерживаемы. какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи, легіонами работниковъ и ремесленниковъ всякаго рода? Не черпали ли они свою силу для дѣятельности въ томъ, что ихъ окружало?

Геніи Сегена, Майера и Грова сдѣлали, конечно, гораздо больше для направленія промышленности по новымъ путямъ, чѣмъ всѣ капиталисты въ мірѣ. Но сами эти геніи—дѣти какъ промышленности, такъ и науки. Потребовалось вѣдь, чтобъ тысячи паровыхъ машинъ превращали изъ года въ годъ, на глазахъ у всѣхъ, теплоту въ динамическую силу, а эту силу въ звукъ, свѣтъ и электричество, прежде, чѣмъ эти геніальные умы провозгласили механическое происхожденіе и единство физическихъ силъ. И если мы, дѣти девятнадцатаго столѣтія, наконецъ поняли эту идею, если мы сумѣли ее примѣнить, то это опять-таки потому, что мы къ тому были приготовлены ежедневнымъ опытомъ. Мыслители прошлаго (XVIII) столѣтія тоже предвидѣли и провозгласили эту идею, но она была не понятна, потому что восемнадцатый вѣкъ не выросъ, какъ мы, возлѣ паровой машины, Подумайте только, сколько-бы прошло еще десятилѣтій въ незнаніи этого закона, который позволилъ намъ произвести революцію въ современной промышленности, если бы Уаатъ не нашелъ въ Соро (Soho) работниковъ, способныхъ исполнить изъ металла его проектъ, усовершенствовать всѣ его части и

сдѣлать паръ, заключенный въ удивительный механизмъ, болѣе покорнымъ, чѣмъ лошадь, и болѣе удобоуправляемымъ, чѣмъ вода, однимъ словомъ—сдѣлать его душой новѣйшей промышленности.

У каждой машины такая же исторія; длинная исторія безсонныхъ ночей и нищеты, разочарованій и радостей, частичныхъ улучшеній, найденныхъ нѣсколькими поколѣніями неизвѣстныхъ рабочихъ, прибавившихъ къ первоначальному изобрѣтенію тѣ пустяки, безъ которыхъ самая плодотворная идея остаётся безплодною. Больше того, каждое новое изобрѣтеніе есть синтезъ—результатъ тысячи предшествующихъ изобрѣтеній на безпредѣльномъ полѣ механики и промышленности. Наука и промышленность, знаніе теоретическое и его примѣненіе, открытіе и практическое осуществленіе, приводящее къ новымъ открытіямъ, трудъ умственный и трудъ ручной,—мысль и работа рукъ—все во взаимной зависимости. Всякое открытіе всякій прогрессъ, всякое увеличеніе человѣческаго богатства имѣетъ свое происхожденіе во всей совокупности ручного и умственнаго труда прошедшаго и настоящаго времени.

По какому же праву тогда кто либо можетъ присвоить малѣйшую частицу этого огромнаго цѣлаго и сказать: это мое, а не твое?

III.

Но случилось, во время долгихъ вѣковъ, пройденныхъ человѣчествомъ, что все, что позволяетъ человѣку производить и увеличивать свою производитель-

ную силу, было захвачено нѣсколькими лицами. Мы, можетъ быть, разскажемъ когда нибудь, какъ это сдѣлалось. Въ настоящій же моментъ намъ достаточно констатировать фактъ и анализировать его послѣдствія.

Въ настоящее время земля, цѣнность которой зависитъ отъ потребностей все возрастающаго населенія, принадлежитъ меньшинству, которое можетъ помѣшать и мѣшаетъ народу ее воздѣлывать или же не позволяетъ воздѣлывать ее сообразно новѣйшимъ потребностямъ. Угольныя копи, которыя представляютъ трудъ многихъ поколѣній и цѣнность которыхъ находится въ исключительной зависимости отъ потребностей промышленности и отъ плотности населенія, тоже принадлежатъ немногимъ; и эти немногіе ограничиваютъ добычу угля или совершенно ее загораживаютъ, если они находятъ болѣе выгодное помѣщеніе для своихъ капиталовъ. Машина также составляетъ собственность только нѣкоторыхъ, и если даже такая машина и представляетъ несомнѣнно усовершенствованія, сдѣланныя въ первоначальной машинѣ тремя поколѣніями работниковъ, она тѣмъ не менѣе принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ, и если внуки того изобрѣтателя, что построилъ сто лѣтъ тому назадъ первую кружевную машину, явились бы теперь въ одну изъ базельскихъ или ноттингамскихъ мануфактуръ и представили бы свои права, то имъ закричали бы: Ступайте вонъ! Эта машина не ваша! и ихъ разстрѣляли бы, если бы они захотѣли завладѣть ею.

Желѣзныя дороги, которыя были бы ненужнымъ

хламомъ безъ такого плотнаго населенія Европы, безъ ея промышленности, торговли и обмѣновъ, принадлежатъ нѣсколькимъ акціонерамъ, не знающимъ, можетъ быть, гдѣ находятся тѣ дороги, которыя даютъ имъ большіе доходы, чѣмъ имѣли средневѣковые государи. И если бы тѣ, что умирали тысячами, роя выемки и тоннели, какъ нибудь собрались бы и пришли толпою голодныхъ оборванцевъ требовать хлѣба у акціонеровъ, то они встрѣтили бы штыки и картечь, которые разсѣяли бы ихъ и охранили «пріобрѣтенныя права».

Въ силу такой чудовищной организаціи, сынъ работника, когда онъ вступаетъ въ жизнь, не находитъ ни поля, которое бы онъ могъ воздѣлывать, ни машины, которую бы онъ могъ направлять, ни рудника, который бы онъ посмѣлъ копать, не уступая значительной части того, что онъ произведетъ, какому нибудь хозяину. Онъ долженъ продавать свою рабочую силу за плохое и невѣрное содержаніе. Его отецъ и дѣдъ работали надъ осушеніемъ этого поля, надъ постройкой этого завода, надъ усовершенствованіемъ машинъ; они работали до крайняго напряженія своихъ силъ,—а кто можетъ дать больше?—Но онъ, являясь на свѣтъ, оказывается болѣе бѣднымъ, чѣмъ послѣдній изъ дикарей. Если онъ получитъ позволеніе приложить свои силы къ воздѣлыванію поля, то съ условіемъ уступить четверть продукта своему хозяину и еще четверть правительству и посредникамъ. И этотъ налогъ взыскиваемый съ него государствомъ, капиталистомъ, землевладѣльцемъ и посредникомъ, будетъ все возрастать и рѣдко позволитъ ему улучшит-

свою культуру. Если же онъ займется промышленной дѣятельностью, то ему позволятъ работать,—и то не всегда,—но съ условіемъ получать только треть или половину продукта, остальное же должно идти тому, кого законъ признаетъ за собственника машины.

Мы кричимъ противъ феодальнаго барона, который не позволялъ земледѣльцу прикасаться къ землѣ безъ того, чтобъ не отобрать въ свою пользу четверти жатвы. Мы это называемъ варварскимъ временемъ. Но если формы измѣнились, то отношенія остались тѣ же. И работникъ принимаетъ, подъ именемъ свободнаго договора, феодальныя обязательства, потому что нигдѣ онъ не найдетъ лучшихъ условій. Такъ какъ все сдѣлалось собственностью хозяина, то онъ долженъ уступить или умереть съ голоду!

Изъ такого положенія дѣлъ слѣдуетъ, что все наше производство направляется не такъ. Предпріятіе вовсе не интересуется потребностями общества, его единственная цѣль—увеличивать доходы предпринимателя. Отсюда постоянныя колебанія промышленности, хроническіе кризисы, причемъ каждый изъ нихъ выбрасываетъ на мостовую рабочихъ сотнями тысячъ.

Такъ какъ рабочіе не могутъ купить на свое жалованье тѣ богатства, которыя они произвели, то промышленность ищетъ рынковъ за-границей, среди людей наживы другихъ націй. На Востокѣ, въ Африкѣ, все равно гдѣ, въ Египтѣ, Пекинѣ, Конго европеецъ при этихъ условіяхъ долженъ увеличивать число зависимыхъ отъ него людей. Но вездѣ онъ находитъ конкурентовъ, такъ какъ всѣ націи развиваются въ

одномъ направленіи. А войны,—безпрерывная война,—должны разражаться за право первенствовать на этихъ рынкахъ. Войны за владѣнія на Востокѣ, войны за господство надъ морями, войны за право налагать ввозныя пошлины и предписывать таможенныя условія своимъ сосѣдямъ; войны противъ тѣхъ, которые возмущаются! Громъ пушекъ не прекращается въ Европѣ, цѣлыя поколѣнія перебиты, европейскія государства расходуютъ на вооруженіе треть своихъ бюджетовъ, а извѣстно, что̀ такое налоги и чего они стоятъ бѣдняку.

Образованіе остается привилегіей ничтожнаго меньшинства. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, говорить объ образованіи, когда сынъ работника вынужденъ въ тринадцать лѣтъ спускаться въ шахту или же помогать своему отцу на фермѣ! Можно-ли говорить объ образованіи рабочему, который возвращается вечеромъ домой послѣ цѣлаго дня каторжной, почти всегда одуряющей работы! Общества раздѣляются на два враждебные лагеря и при этихъ условіяхъ свобода становится пустымъ словомъ. Когда радикалъ требуетъ большаго расширенія политическихъ свободъ, то онъ вскорѣ убѣждается, что дуновеніе свободы приводитъ быстро къ возстанію пролетаріевъ, и тогда онъ оборачивается вспять, мѣняетъ убѣжденіе, возвращается къ исключительнымъ законамъ и къ правительству вооруженной силы.

Огромная коллекція судовъ, судей и палачей, жандармовъ и тюремщиковъ, необходима для поддержанія привилегій, а эта коллекція сама порождаетъ цѣлую систему доносовъ, обмановъ, угрозъ и подкуповъ.

Кромѣ того, эта система останавливаетъ развитіе общежительныхъ чувствъ. Всякій понимаетъ, что безъ прямоты, безъ самоуваженія, безъ взаимной симпатіи и поддержки родъ человѣческій долженъ погибнуть, какъ погибаютъ нѣкоторыя животныя породы, живущія грабежомъ и рабствомъ. Но для правящихъ классовъ это дѣло неподходящее, и они выдумываютъ цѣлую науку, науку безусловно ложную, чтобъ доказать противное.

Много было сказано хорошихъ словъ о необходимости дѣлить то, что имѣешь, съ тѣми, которые ничего не имѣютъ. Но если кто нибудь вздумаетъ этотъ принципъ ввести въ практику, то ему тотчасъ же говорятъ, что всѣ эти возвышенныя чувства хороши въ поэзіи, а не въ жизни. «Лгать, это дѣлать себя презрѣннымъ, унижать себя», скажемъ мы, и все цивилизованное существованіе становится огромной ложью. И мы привыкаемъ и пріучаемъ нашихъ дѣтей жить съ двуличной нравственностью, лицемѣрами! А такъ какъ умъ на это не поддается охотно, то мы его прилаживаемъ къ софизму. Лицемѣріе и лжеумствованіе становятся второй натурой цивилизованнаго человѣка.

Но общество не можетъ такъ жить; ему слѣдуетъ возвратиться къ истинѣ или исчезнуть.

Такимъ образомъ, простой фактъ завладѣнія имуществомъ распространяетъ свои послѣдствія на всю совокупность общественной жизни. Подъ страхомъ погибели человѣческія общества вынуждены возвратиться къ слѣдующимъ основнымъ принципамъ: такъ какъ средства производства составляетъ коллектив-

ный продуктъ человѣчества, то они должны возвратиться къ человѣчеству въ его цѣломъ. Личное присвоеніе ихъ и несправедливо, и неполезно. Все принадлежитъ всѣмъ, потому что всѣ во всемъ нуждаются, потому что всѣ работали по мѣрѣ своихъ силъ и потому что фактически невозможно опредѣлить ту долю, которая принадлежитъ каждому въ теперешнемъ производствѣ богатствъ.

Все принадлежитъ всѣмъ! Вотъ какой огромный наборъ инструментовъ создалъ девятнадцатый вѣкъ; вотъ милліоны желѣзныхъ рабовъ, называемыхъ машинами, стругаютъ и пилятъ, ткутъ и прядутъ за насъ, разлагаютъ и соединяютъ вновь сырые матеріалы и дѣлаютъ въ наше время чудеса. Никто не имѣетъ права завладѣть ни одной изъ этихъ машинъ и сказать: «она моя; за право пользованія ею вы мнѣ будете платить подать съ каждаго вашего продукта»; подобно тому, какъ средневѣковый сеньоръ не имѣлъ права сказать землевладѣльцу: «этотъ холмъ, этотъ лугъ мои, и вы мнѣ будете платить подать за каждый снопъ хлѣба, что вы сожнете, и за каждый стогъ сѣна, что вы складете».

Все принадлежитъ всѣмъ! Лишь-бы только человѣкъ,—мужчина или женщина,—доставилъ свою долю труда, то онъ будетъ имѣть право на долю изъ всего того, что будетъ произведено всѣми. И эта доля ему уже дастъ довольство.

Довольно уже этихъ двухсмысленныхъ рецептовъ, въ родѣ «права на трудъ» или «каждому полный продуктъ его труда». Мы провозглашаемъ *право на довольство—довольство для всѣхъ.*

Довольство для всѣхъ.

I.

Довольство для всѣхъ не мечта. Оно возможно, осуществимо послѣ того, что наши предки сдѣлали для увеличенія успѣшности нашей рабочей силы.

И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что производители, составляющіе едва одну треть жителей въ цивилизованныхъ странахъ, производятъ уже достаточно, чтобы завести нѣкоторое благосостояніе въ жилищѣ каждаго семейства. Мы, кромѣ того, знаемъ, что если всѣ, расточающіе теперь плоды чужихъ трудовъ, были бы вынуждены заниматься въ досужное время полезнымъ трудомъ, наше богатство возрасло бы пропорціонально количеству рабочихъ рукъ. И мы, наконецъ, знаемъ, что, противно теоріи патріарха буржуазной науки, Мальтуса, человѣкъ увеличиваетъ свою производительную силу гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ самъ размножается. Чѣмъ тѣснѣе живутъ люди на землѣ, тѣмъ быстрѣе прогрессъ ихъ производительныхъ силъ.

И въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ населеніе Англіи съ 1844 г. увеличилось только на 62%, его производительная сила увеличилась, по меньшей мѣрѣ, вдвое — процентовъ на 130. Во Франціи, гдѣ населеніе увеличилось менѣе, возрастаніе количества продуктовъ тѣмъ не менѣе очень быстро. Несмотря на кризисъ, въ которомъ бьется сельское хозяйство, несмотря на вмѣшательство государства, воинскую повинность, несмотря на банковую, финансовую и

промышленную дѣятельность,—производство пшеницы учетверилось, а производство промышленное болѣе чѣмъ удесятерилось въ теченіе послѣднихъ восьмидесяти лѣтъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ прогрессъ еще болѣе поразителенъ несмотря на иммиграцію, или скорѣе именно по случаю этого избытка работниковъ изъ Европы, Соединенные Штаты удесятерили свое производство.

Но эти цифры даютъ только очень слабую идею того, чѣмъ наше производство могло бы быть въ лучшихъ условіяхъ. Въ настоящее время, по мѣрѣ того, какъ развивается способность производить, число праздныхъ и посредниковъ возрастаетъ въ страшной пропорціи. Совсѣмъ въ противность тому, что когда-то говорилось между соціалистами, будто капиталъ скоро дойдетъ до сосредоточенія въ такомъ маломъ количествѣ рукъ, что потребуется только экспропріировать имущество нѣсколькихъ милліонеровъ, чтобы войти во владѣніе богатствами, принадлежащими всѣмъ, число лицъ, живущихъ на счетъ чужого труда, становится все значительнѣе.

Во Франціи нѣтъ и десяти производителей, въ точномъ смыслѣ этого слова, на тридцать жителей. Все сельскохозяйственное богатство страны есть продуктъ менѣе чѣмъ 7 милліоновъ человѣкъ, а въ двухъ большихъ отрасляхъ промышленности,—въ горной и въ ткацкой,—считаютъ менѣе $2^1/_2$ милліоновъ рабочихъ.—А сколько считается эксплоататоровъ труда? Въ Англіи (безъ Шотландіи и Ирландіи) 1,039,000 рабочихъ,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—выдѣлываютъ всѣ ткани; не много болѣе полумилліона эксплоати-

руютъ рудники, менѣе полумилліона воздѣлываютъ землю, и статистики должны преувеличивать цифры, чтобы получился максимумъ въ 8 милліоновъ производителей на 26 милліоновъ жителей. Въ дѣйствительности, отъ 6 до 7 милліоновъ работниковъ самое большее созидаютъ богатства, отправляемыя во всѣ концы земного шара. А сколько лицъ, живущихъ доходами, или посредниковъ, добавляющихъ доходы, собранные со всей вселенной, къ тѣмъ, которые они сами себѣ пожаловали, заставляя платить потребителя отъ пяти до двадцати разъ болѣе того, что заплачено производителю?

Это не все. Лица, завладѣвшія капиталомъ, постоянно сокращаютъ производство, мѣшая производить. Не будемъ говорить о тѣхъ бочкахъ съ устрицами, что были брошены въ море, чтобы устрица не сдѣлалась пищей простого народа и не перестала быть лакомствомъ достаточныхъ людей; не будемъ говорить о многихъ тысячахъ предметовъ роскоши,—матеріи, пища и пр.,—съ которыми поступаютъ такъ же, какъ съ устрицами. Напомнимъ только, какъ ограничиваютъ производство необходимыхъ для всѣхъ вещей. Полчища углекоповъ были бы очень рады добывать ежедневно каменный уголь и отправлять его тѣмъ, которые дрожатъ отъ холода. Но очень часто доброй трети этихъ полчищъ, двумъ третямъ даже, не позволяютъ работать болѣе трехъ дней въ недѣлю, и это—чтобы поддержать высокія цѣны. Тысячи ткачей не могутъ ткать въ то время, какъ ихъ жены и дѣти одѣты въ лахмотья, и три четверти европейцевъ не имѣютъ одежды, достойной этого названья.

Сотни доменныхъ печей, тысячи мануфактуръ постоянно бываютъ въ бездѣйствіи, другія работаютъ только половину времени, а въ каждой цивилизованной націи всегда имѣется населеніе милліона въ два, которое очень хотѣло бы работать, но которымъ работы нѣтъ.

Милліоны людей были бы рады превратить невозд̀ланныя или плохо возд̀ланныя пространства въ поля, покрытыя хорошими хлѣбами. Одного года интеллигентнаго труда имъ было бы достаточно, чтобъ упятерить продуктъ земель, которыя въ настоящее время даютъ только 8 гектолитровъ хлѣба на одинъ гектаръ. Но эти люди должны гулять, потому что владѣльцы земли, копей, мануфактуръ предпочитаютъ помѣстить свои капиталы,—капиталы, украденные у всего общества,—въ займы турецкіе или египетскіе, или патагонскія золотыя розсыпи, и тѣмъ заставить на себя работать египетскихъ феллаховъ, изгнанныхъ съ родины итальянцевъ и китайскихъ кули!

Это сознательное и прямое ограниченіе производства, но есть еще ограниченіе непрямое и безсознательное, которое состоитъ въ расходованіи человѣческаго труда на предметы совершенно ненужные или же на исключительно предназначенные для удовлетворенія глупаго тщеславія богатыхъ.

Нельзя даже выразить въ цифрахъ, до какой степени сокращена косвенно производительность растратой силъ, которыя могли бы служить производству и, въ особенности, приготовленію нужныхъ для производства инструментовъ. Достаточно указать на милліарды, истраченные Европой на вооруженія, безъ

какой либо иной цѣли кромѣ завоеванія рынковъ для подчиненія сосѣдей экономическому закону и для облегченія эксплоатаціи внутри; милліоны, уплачиваемые ежегодно чиновникамъ всякаго сорта, миссія которыхъ заключается въ поддержаніи права меньшинства на управленіе экономической жизнью націи: милліоны, истраченные судьями, тюрьмами, жандармами и всѣмъ блескомъ того, что называютъ юстиціей, хотя было бы достаточно,—всѣ это знаютъ,—облегчить немного бѣдность въ большихъ городахъ, чтобы въ значительной мѣрѣ уменьшилась преступность; наконецъ, милліоны, употребляемые на пропаганду при помощи печати вредныхъ идей, извѣстій, искаженныхъ въ интересахъ какой нибудь партіи или политическаго дѣятеля или компаніи эксплоататоровъ.

Но это еще не все. Расходуется еще болѣе труда совершенно напрасно: здѣсь—на содержаніе конюшни, псарни, челяди богача, тамъ на—удовлетвореніе капризовъ свѣтскихъ дамъ и на развращенную роскошь высокопоставленной шайки воровъ; въ другомъ мѣстѣ,—чтобъ заставить потребителя покупать ему ненужное или навязать ему посредствомъ рекламы вещь дурного качества; еще въ другомъ мѣстѣ—чтобы производить абсолютно вредные, но выгодные предпринипринимателю, съѣстные припасы. Того, что такимъ образомъ расхищено, достаточно было бы, чтобы удвоить полезное производство или чтобы оборудовать мануфактуры и фабрики, которыя вскорѣ наводнили бы магазины всевозможными предметами продовольствія, недостающими теперь двумъ третямъ націи.

Отсюда слѣдуетъ, что даже изъ тѣхъ, кто занимаются въ каждой націи производительнымъ трудомъ, добрая четверть постоянно вынуждена бываетъ гулять безъ работы по три-четыре мѣсяца ежегодно, а трудъ третьей четверти, если только не половины,—не можетъ имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ забавы богачей или эксплоатаціи публики.

Итакъ, если принять въ соображеніе, съ одной стороны, быстроту, съ которой цивилизованныя націи увеличиваютъ свою производительную силу, а, съ другой, предѣлы, начертанные производству прямо или косвенно существующими условіями, то слѣдуетъ заключить, что сколько-нибудь разумная экономическая организація позволила бы цивилизованнымъ націямъ нагромоздить въ нѣсколько лѣтъ столько полезныхъ продуктовъ, что онѣ вынуждены будутъ закричать: «довольно! довольно угля! довольно хлѣба! довольно одежды! Отдохнемъ, соберемся съ мыслями, чтобъ лучше воспользоваться нашими силами, чтобъ лучше употребить наши досуги!»

Нѣтъ, довольство для всѣхъ уже болѣе не мечта. Оно могло быть мечтой тогда, когда человѣкъ съ громаднымъ трудомъ достигалъ добычи 8 или 10 гектолитровъ съ гектара или мастерилъ своей рукой механическія орудія, необходимыя для сельскаго хозяйства и промышленности. Оно болѣе не мечта съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ изобрѣлъ двигатель, который съ небольшимъ количествомъ желѣза и нѣсколькими килограммами угля даетъ ему силу смирной, удобоуправляемой лошади, способной привести въ движеніе самую сложную машину.

Но для того, чтобы довольство осуществилось, нужно, чтобъ этотъ огромный капиталъ,—города, дома, распаханныя поля, фабрики, пути сообщенія, образованіе,— перестали разсматривать, какъ частную собственность, которой человѣкъ наживы располагаетъ по своему произволу.

Надо, чтобъ этотъ богатый наборъ инструментовъ, съ трудомъ добытый, построенный, обработанный, изобрѣтенный нашими предками,— сдѣлался общей собственностью, чтобъ коллективный умъ извлекалъ изъ него наибольшую выгоду для всѣхъ.

Нужна экспропріація. Довольство для всѣхъ, какъ цѣль, экспропріація, какъ средство.

II.

Экспропріація, вотъ, слѣдовательно, задача, которую исторія поставила передъ нами, людьми конца девятнадцатаго вѣка. Возвращеніе къ общности всего того, что послужитъ человѣку создать себѣ благосостояніе.

Но эта задача не можетъ быть рѣшена законодательнымъ путемъ. Никто объ этомъ не думаетъ. Какъ бѣдный, такъ и богатый понимаютъ, что ни теперешнія правительства, ни тѣ, которыя могутъ возникнуть изъ политической революціи, не способны найти ей рѣшеніе. Чувствуется необходимость соціальной революціи, и какъ богатые, такъ и бѣдные не скрываютъ отъ себя, что эта революція близка, что она можетъ разразиться не сегодня—завтра.

Эволюція совершилась въ умахъ въ теченіе послѣдняго полустолѣтія; но сдавленная меньшинствомъ, то-есть имущими классами, и не будучи въ состояніи укрѣпиться, она должна устранить препятствія силой и осуществится бурно посредствомъ революціи.

Откуда же придетъ революція? Какъ она проявится? Никто не можетъ отвѣтить на эти вопросы. Это — неизвѣстное. Но тѣ, которые наблюдаютъ и размышляютъ, не обманываются: работники и эксплоататоры, революціонеры и консерваторы, мыслители и практическіе люди, всѣ чувствуютъ, что она у воротъ.

Ну, что же мы будемъ дѣлать послѣ того, какъ революція разразится?

Мы всѣ такъ много изучали драматическую сторону революцій и такъ мало ихъ истинно революціонное дѣло, что многіе изъ насъ видятъ въ этихъ великихъ движеніяхъ только сценическую обстановку, борьбу первыхъ дней, баррикады. Но эта борьба, эта первая схватка, скоро кончается и только послѣ пораженія старыхъ правительствъ начинается настоящее дѣло революціи.

Неспособныя и безсильныя, атакованныя со всѣхъ сторонъ, они быстро уносятся вихремъ возстанія. Прошло нѣсколько дней и буржуазной монархіи 1848 г. не стало, и когда извозчикъ везъ Луи-Филиппа за границу, Парижъ не заботился уже о бывшемъ королѣ. 18 марта 1871 года, правительство Тьера въ нѣсколько часовъ исчезло и оставило Парижъ хозяиномъ своей судьбы. Однако, въ 1848 и въ 1871 годахъ были только возмущенія. Передъ народной революціей пра-

вители пропадаютъ съ поразительной быстротою. Они начинаютъ съ бѣгства, чтобы злоумышлятъ въ другомъ мѣстѣ, съ цѣлью сохранить себѣ возможность возвращенія.

По исчезновеніи стараго правительства, армія, въ нерѣшительности передъ волной народнаго возстанія, не повинуется болѣе своимъ начальникамъ, которые, впрочемъ, тоже благоразумно удираютъ. Со сложенными на-крестъ руками войско держится безучастно или, прикладъ кверху, присоединяется къ возставшимъ. Полиція, размахивающая руками, не знаетъ, слѣдуетъ ли колотить, или кричать: да здравствуетъ Коммуна! и городовые идутъ домой, «въ ожиданіи новаго правительства». Крупные буржуа укладываютъ свои вещи и удираютъ въ безопасное мѣсто. Народъ остается.—Вотъ какъ начинается революція.

Во многихъ большихъ городахъ провозглашена Коммуна. Тысячи людей на улицахъ, а вечеромъ они сбѣгаются въ импровизированные клубы, спрашивая другъ друга «что дѣлать?» и съ жаромъ обсуждая политическія дѣла.

Всѣ ими интересуются, и тѣ, которые вчера къ нимъ были равнодушны, теперь, можетъ быть, самые ярые. Вездѣ много усердія и сильное желаніе обезпечить побѣду. Проявляются случаи геройскаго самопожертвованія. Народъ стремится итти впередъ.

Все это прекрасно, величественно. Но это еще не революція. Напротивъ, теперь только начинается дѣло революціонера.

Будутъ, конечно, случаи расплаты изъ мести. Уатрины и Тома заплатятъ за свою непопулярность,

но это будетъ случайный фактъ борьбы, а не революція.

Правительственные соціалисты, радикалы, непризнанные геніи ежедневной прессы, производящіе впечатлѣніе ораторы, — буржуа и бывшіе работники, — побѣгутъ въ Думу, въ министерства и займутъ тамъ покинутыя кресла. Одни надѣнутъ на себя съ восторгомъ галуны, полюбуются собою въ министерскихъ зеркалахъ, попрактикуются какъ давать приказанія съ важнымъ видомъ, соотвѣтствующимъ высотѣ ихъ новаго положенія; имъ нуженъ красный поясъ, кепи, обшитое галуномъ, и учительскій жестъ для внушенія уваженія бывшимъ товарищамъ по редакціи или по мастерской! Другіе зароются во входящія и исходящія бумаги съ страстнымъ желаніемъ понять въ нихъ что-нибудь. Они будутъ писать законы, будутъ выпускать декреты съ громкими фразами, которыхъ исполнять никто не подумаетъ, — а потому не подумаетъ, что революція.

Чтобы придать себѣ авторитетъ, котораго у нихъ нѣтъ, они будутъ искать санкцію прежнихъ формъ правительства. Они будутъ принимать имена Временнаго Правительства, Комитета Общественнаго Спасенія, Мэра, Командующаго Думою, Начальника безопасности и еще какія-нибудь! Выбранные или провозглашенные, они соберутся въ парламенты или въ Совѣты Коммуны. Тамъ встрѣтятся люди, принадлежащіе къ десяти-двадцати разнымъ школамъ, которыя не представляютъ, какъ это часто говорятъ, личныя домовыя церкви, но которыя соотвѣтствуютъ особымъ способамъ понимать протяженіе, силу и обязанность

революціи. Поссибилисты, коллективисты, радикалы, якобинцы, бланкисты, невольно соединившіеся, теряютъ время на разсужденія. Честные люди смѣшиваются съ честолюбцами, мечтающими объ одномъ только господствѣ и презирающими толпу, изъ которой они вышли. Всѣ они пришли съ діаметрально-противоположными идеями, вынуждены заключать фиктивные союзы, чтобъ образовать большинство, которое продержится одинъ только день, спорятъ, называютъ одинъ другого реакціонерами, государственниками, мошенниками, не способные договориться ни объ одной серьезной мѣрѣ, и достигаютъ только того, что выпустятъ нѣсколько громкихъ, но пустыхъ прокламацій Всѣ считаютъ себя серьезными дѣятелями, тогда какъ истинная сила движенія будетъ на улицѣ.

Все это можетъ забавлять любителей театра. Но это все еще не революція: еще ничего не сдѣлано.

Въ это время народъ страдаетъ. Фабрики остановились, мастерскія закрыты, торговля не идетъ. Работникъ не получаетъ даже того ничтожнаго жалованья, какое имѣлъ прежде; цѣны съѣстныхъ припасовъ поднимаются!

Съ тѣмъ геройскимъ самоотверженіемъ, которое всегда характеризовало народъ и которое становится величественныхъ во время великихъ событій, онъ выжидаетъ. Онъ закричалъ въ 1848 году: «Мы повергаемъ къ услугамъ республики три мѣсяца нищеты», въ то время когда «представители» и господа новаго правительства, до послѣдняго тюремщика, аккуратно получали жалованье! Народъ страдаетъ. Съ дѣтской

довѣрчивостью, съ простодушіемъ массы, вѣрующей въ своихъ вожаковъ, онъ ожидаетъ, чтобъ тамъ, наверху, въ Палатѣ, Думѣ, Комитетѣ Общественнаго Спасенія,—занялись имъ.

Но тамъ наверху думаютъ обо всемъ, кромѣ народныхъ страданій. Когда голодъ съѣдаетъ Францію въ 1790 году и компрометируетъ революцію, когда народъ доведенъ до послѣдней крайности, въ то время по Елисейскимъ Полямъ движутся великолѣпные фаэтоны, въ которыхъ женщины выставляютъ свои роскошные наряды, Робеспьеръ настаиваетъ у якобинцевъ на обсужденіи его записки объ англійской конституціи! Когда работникъ страдаетъ въ 1848 году отъ всеобщей остановки промышленности, Временное Правительство и Палата препираются о военныхъ пенсіяхъ и тюремномъ трудѣ, не спрашивая, чѣмъ живетъ народъ во время этого кризиса. И если можно обратиться съ упрекомъ къ Парижской Коммунѣ, появившейся подъ пушечными выстрѣлами пруссаковъ и существовавшей только семьдесять дней, то все съ тѣмъ же—что она не поняла, что коммунальная революція не могла восторжествовать безъ хорошо питающихся бойцовъ и что съ тридцатью су въ день нельзя въ одно и то же время и сражаться на валу, и содержать свое семейство.

Народъ страдаетъ и спрашиваетъ: «что дѣлать чтобъ выйти изъ безвыходнаго положенія»?

III.

Что дѣлать? Намъ кажется, что есть только одинъ отвѣтъ на этотъ вопросъ:

— Признать и громко провозгласить, что каждый человѣкъ, какой-бы ни былъ ярлычекъ на немъ въ прошедшемъ, какова бы ни была его сила или слабость, его качества или его неспособность, имѣетъ, прежде всего, *право жить* и что общество обязано раздѣлить между всѣми безъ исключенія средства существованія, которыми оно располагаетъ. Признать, провозгласить это и сообразно съ этимъ дѣйствовать!

Сдѣлать такъ, чтобы, съ перваго дня революціи, работникъ зналъ, что новая эра открывается передъ нимъ, что уже никто не будетъ вынужденъ ночевать подъ мостами, вблизи дворцовъ, голодать, пока есть пища, дрожать отъ холода возлѣ мѣховыхъ магазиновъ. Чтобы все принадлежало всѣмъ, какъ въ дѣйствительности, такъ и въ принципѣ, и что, наконецъ, въ исторіи происходитъ революція, думающая о потребностяхъ народа прежде чѣмъ наставлять его о его обязанностяхъ.

Это не совершится посредствомъ декретовъ, но единственно непосредственнымъ дѣйствительнымъ завладѣніемъ всѣмъ тѣмъ, что необходимо для обезпеченія жизни всѣмъ; таковъ единственный истинно-научный способъ дѣйствовать, единственный, который можетъ быть понятенъ и желателенъ народной массѣ.

Завладѣть, во имя возставшаго народа, хлѣбными складами, магазинами, переполненными одеждой, жилыми домами. Ничего не расточать, сейчасъ органи-

зоваться для заполненія пустотъ, помочь всякой нуждѣ, удовлетворить всѣмъ потребностямъ, производить не для того, чтобы давать кому бы то ни было барыши, но для поддержанія жизни и развитія общества.

Довольно этихъ двухсмысленныхъ рецептовъ, какъ, напримѣръ, «право на трудъ», которымъ обольщали народъ въ 1848 году и стараются и теперь его обольстить. Признаемъ же смѣло, что довольство, отнынѣ возможное, должно осуществиться во что бы то ни стало.

Когда работники въ 1848 году требовали права на трудъ, тогда устраивали національныя или муниципальныя мастерскія, и посылали людей трудиться въ эти мастерскія за сорокъ су *) въ день! Когда же они требовали организаціи труда, тогда имъ отвѣчали: «потерпите, братцы, правительство займется этимъ, а пока вотъ сорокъ су. Отдохните, изнуренный работникъ; вы работали всю вашу жизнь». А въ ожиданіи нацѣливали пушки. Былъ объявленъ созывъ народнаго ополченія; разстраивали ряды рабочихъ тысячами способовъ, которые прекрасно извѣстны буржуазіи. И въ одинъ прекрасный день, имъ говорятъ: «ступайте заселять Африку или же мы васъ угостимъ картечью!»

Совершенно иной будетъ результатъ, если работники потребуютъ *право на довольство!* Этимъ самымъ они заявляютъ о своемъ правѣ завладѣть всѣмъ общественнымъ богатствомъ, взять дома и поселиться

---

*) 75 копеекъ.

въ нихъ, согласно потребностямъ каждаго семейства, забрать накопленные жизненные припасы и использовать ихъ такъ, чтобъ узнать, что такое довольство, послѣ того какъ слишкомъ хорошо былъ извѣстенъ голодъ. Они провозглашаютъ свое право на всѣ богатства,—плодъ труда прошедшихъ и настоящихъ поколѣній, – и они ими воспользуются такъ, что узнаютъ, что такое высшія наслажденія искусства и науки, которыя слишкомъ долго были захвачены буржуазіей.

И утверждая свое право на довольство, они объявляютъ,—и это еще болѣе важно,—о своемъ правѣ самимъ опредѣлять, чѣмъ должно быть это довольство, то-есть, что должно производить, чтобъ его обезпечить, и что должно бросить, какъ неимѣющее теперь уже значенія. Право на довольство, это возможность жить по-человѣчески и воспитывать своихъ дѣтей, чтобъ сдѣлать изъ нихъ равныхъ членовъ общества, превосходящаго наше, тогда какъ право на трудъ есть право всегда оставаться наемнымъ рабомъ, чернорабочимъ, управляемымъ и эксплоатируемымъ завтрашними буржуа. Право на довольство,—это соціальная революція; право же на трудъ это самое большее промышленная централка.

Давно уже пора, чтобы работникъ провозгласилъ свое право на общее наслѣдство и чтобъ онъ завладѣлъ имъ.

БИБЛИОТЕКА